

УДК 94(47)

ЕКАТЕРИНА II И ЛИФЛЯНДСКИЙ ЛАНДТАГ 1765 г.

Г.В. Ибнеева

Аннотация

В статье выявляется роль императрицы Екатерины II в организации лифляндского ландтага 1765 г. Автор рассматривает деятельность ландтага и принятие им патента 1765 г., анализирует расстановку политических сил на этом форуме относительно крестьянского вопроса. В центре анализа – протоколы ландтага 1765 г. Статья написана на основании архивных источников Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и государственного исторического архива Латвии (LVVA).

Деятельность лифляндского ландтага 1765 г. явилась непосредственным следствием путешествия Екатерины II в Остзейский край в июне-июле 1764 г. Среди основных выводов, сделанных российской императрицей, было убеждение в необходимости регулирования взаимоотношений остзейских крестьян с помещиками и их точного определения в законодательстве. Объект рассмотрения данной статьи – роль российской императрицы в *организации и деятельности ландтага 1765 г.*

Положение остзейских крестьян в рассматриваемое время обуславливалось особенностью системы землевладения, существующей в Остзейских землях со времен шведского правления. Она заключалась в том, что владеть землей мог лишь дворянин, вписанный в матрикулу. Еще со времен шведского владения крестьянские повинности фиксировались в вакенбухах (сводах правил; по-шведски – *Wakkenbuche*, по-немецки – *Wackenbücher*) в зависимости от размеров обрабатываемого надела. Землевладельцам позволялось отдавать землю в аренду недворянам – «ландзасам» (*Landsassen*), что весьма широко применялось остзейскими помещиками¹. Петр I, присоединяя остзейские земли к России, не привел в действие законодательство шведского правительства, ограждавшее крестьян от произвола помещика. Этого не было сделано и его преемниками. В результате в 1739 г. лифляндская ландратская коллегия под руководством ландмаршала Отто Фабиана фон Розена (1683–1764) подала в юстиц-коллегию официальное донесение, в котором заявлялось о праве полной, совершенной и ничем не ограниченной собственности над крестьянами. Все крестьянские службы и повинности объявлялись неопределенными и зависящими от усмотрения господ вследствие крепостного права, основанного на естественном праве, будто бы в духе латышей и чухон. Помещик становился неогра-

¹ *de Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – С. 117.

ническим господином в своем имении: был полным хозяином крестьянской собственности и самих крестьян. Очевидно, этот голос возымел действие на Юстиц-коллегию, поскольку в продолжение четверти столетия правительство не обнаруживало своего несогласия с мнением барона Розена¹. Нелегкое положение крестьян усугублялось арендами и субарендами. Помимо этого, Семилетняя война нанесла им урон, когда русская армия двинулась в Пруссию через Лифляндию. Подводная повинность тяжелым грузом ложилась на крестьянские хозяйства².

Проблематичность системы остзейского землевладения в то время рассматривалось центральным правительством в контексте фискальных интересов государства. К моменту царствования Екатерины в Прибалтике установился поземельный налог, равный по своему размеру российской подушной подати. Величина налога определялась земельным кадастром XVII в. и ревизиями XVIII в., выявившими количество возделываемой крестьянской земли, с которой и уплачивался налог, в то же время помещичья земля была свободна от обложения. Подобная практика приводила к противоречиям между русским правительством и остзейскими помещиками, поскольку разорение крестьянского хозяйства непосильной барщиной и присоединение крестьянской земли к помещичьим полям уничтожали объект поземельного обложения. Остзейские помещики уже не обращали внимания на вакенбухи. В Прибалтике сложились особо тяжелые формы эксплуатации крестьянства: помимо барщины и различного рода сборов натурой, в повинности крестьянства входило следующее: предоставление подвод для отвоза в город помещичьего хлеба; работы при молотбе, приготовлении солода, винокурении; прядение; некоторые денежные расходы (жалование караульным на господском дворе) и т. п. Положение крестьян усугублялось существованием владельческих монополий: крестьянин выменивал у господина соль, железо, табак на свой хлеб; варение и продажа пива и вина составляли монополию господина³. Крестьянин не имел возможности приобретать какую-либо собственность: все, что он добывал своим трудом, принадлежало его господину.

Бедственное положение крестьянства, лишенного всякой собственности, побеги, особенно участвовавшие в последние годы царствования Елизаветы Петровны, снижали поступление государственных доходов из Лифляндии. Если в 40-е годы правительство ежегодно получало из Лифляндии 135 тыс. талеров дохода, то в 1759 г. только 105 тыс. Фискальные интересы государства требовали осуществить переоценку земель и крестьянских повинностей, на что не соглашались остзейские помещики. Они не были заинтересованы в точном разграничении земель – податной крестьянской земли и помещичьей, свободной от налогов, – и в фиксировании повинностей крестьян, а потому упорно сопротивлялись всякому изменению существующего положения. При этом они ссы-

¹ Самарин Ю. Письма об освобождении крестьян Прибалтийского края от крепостной зависимости // Сельское благоустройство. – 1858. – № 1. – С. 85.

² См.: Путешествие Екатерины II по Эстляндии и Лифляндии в 1764 г. // Рижский вестник. – 1869. – № 3.

³ См.: Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – СПб., 1901. – Т. 1. – С. 91–92. По поводу объема прав остзейских помещиков см. также: Löning E. Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und in Livland // Baltische Monatsschrift. – 1880. – Bd. 27. – С. 96, 112.

лались на свои привилегии, данные им предшествующими правителями и подтвержденные российскими государями¹.

Так, лифляндские помещики выражали свое неудовольствие по поводу ревизии 1757 г. Последняя ревизия под шведским владычеством была произведена в 1688 г. Петр же I, Екатерина I подтвердили, чтобы никакими податями, кроме тех, которые платились под шведской короной, не отягощать остзейские провинции. Основным лейтмотивом жалоб остзейских дворян было несогласие с деятельностью ревизион-комиссии, которая не приняла вакенбухов 1688 г., т. е. не приняла описанных там правил к назначению гаков, что привело к их увеличению и, вместе с тем, росту повинностей земства².

Очевидно, во время путешествия сетования дворянства по этому поводу дошли до императрицы, о чем она пишет за день до отъезда из Риги 14 июля 1764 г. Ю.Ю. Броуну и повелевает ему: «Известно нам, что некоторые лифляндские помещики на бывшую последнюю в Лифляндии ревизию неудовольствие имеют, того ради прикажите публиковать, чтоб все такие жалобы свои принесли вам от сего числа в месяц, которые Вам, разобрав, с мнением своим предоставить в Камер-контору лифляндских и эстляндских дел, и такое же представление сделать и нам»³.

В ходе пребывания в Остзейском крае Екатерина стремится уяснить для себя аграрное положение в регионе, и в частности положение крестьян. Она посещает помещичьи экономии в Лифляндии и Эстляндии. 23 июня она останавливается в мызе Колга ландрата графа Магнуса Стенбока в Харьюском уезде⁴. Г. Нойшеффер пишет, что граф в этом же 1764 году побывал в Голштейне у родственников своей жены, и Екатерина могла узнать от него о проведенных там преобразованиях⁵. 2 июля 1764 г. она посещает несколько имений эстляндских помещиков: в Кегле – имение фон Хольштейна, в Крине – имение Вортмана⁶, 3 июля в Коше – имение господина Посиета⁷. 17 июля Екатерина побывала в имении Ропкой графа Карла Сиверса и посетила деревню неподалеку от Дерпта⁸. Исследователи разных поколений отмечают, что крестьяне в бытность императрицы в Лифляндии подавали ей жалобы⁹. Трудно сказать, беседовала ли императрица с крестьянами: до нас не дошли прямые исторические свидетельства. Однако, как покажет рассмотрение деятельности ландтага 1765 г., о котором речь пойдет ниже, подобные факты могли иметь место.

¹ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. – Рига, 1946. – С. 345.

² Граф Сиверс. Гак // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1838. – Т. 13. – С. 114.

³ Указы и рескрипты императрицы Екатерины II к лифляндскому и эстляндскому генерал-губернатору Ю.Ю. Броуну, 14 июля 1764 г. // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1870. – Т. 4. – С. 370.

⁴ Журнал высочайшего путешествия императрицы Екатерины II в Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно в Санкт-Петербург, с 20 июня по 25 июля 1764 г. // КФЖ. – СПб., 1764. – С. 269.

⁵ Neuschäffer H. Katharina II und die Baltischen Provinzen. – Hannover, 1975. – S. 381.

⁶ Журнал высочайшего путешествия... – С. 293.

⁷ Reise der Kaiserin Catharina II. nach Est-und Livland vom 20. Juni bis zum 25. Juli 1764. Nach authentischen Quellen // Wagien. Baltische Studien und Erinnerungen / von dr. Bertram. – Dorpat, 1868. – С. 147.

⁸ Журнал высочайшего путешествия... – С. 337.

⁹ Рихтер А. История крестьянского сословия в Прибалтийской губернии в присоединенных в России прибалтийских губерниях. – Рига, 1860. – С. 17; Дюбок Е.Ф. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. – 1942. – № 13. – С. 181 и др.

Когда Екатерина решила вмешаться во взаимоотношения между землевладельцами и крепостными в Эстляндии и Лифляндии? Перед тем, как посетила провинции, или после предпринятого турне? И. де Мадариага полагает, что это вопрос спорный¹. Екатерина задумывалась о преобразовании аграрной системы в Лифляндии еще до путешествия в остзейский край. Убедившись в нелегком положении крестьян в Остзейском крае, Екатерина сделала для себя определенные выводы: было принято решение воздействовать на аграрную ситуацию в Прибалтике.

Еще во время пребывания в Остзейском крае Екатерина предписывает Броуну принять меры к облегчению положения крестьян и обратить внимание на ограждение крестьян от всякого увеличения барщины. Как видно из письма Бруна императрице от 27 апреля 1765 г., именно во время пребывания ее в Риге были оговорены условия по крестьянскому вопросу, которые через полгода должен был обсудить лифляндский ландтаг². Броун успокоил императрицу обещанием, что само рыцарство пресечет злоупотребления, возникающие от неопределенности отношений помещика к крестьянам, что «на первом ландтаге он не упустит заявить и будет настаивать на приведение высочайшей воли в исполнение»³.

На кого можно было опереться в решении этого вопроса? Особая роль в проведении линии императрицы относительно крестьянского вопроса в Лифляндии принадлежала лифляндскому губернатору Ю.Ю. Броуну⁴. У императрицы мог быть «союзник» в этом крае – барон Карл Фридрих Шульц-Ашераденский (1720–1782)⁵. Он являлся автором проекта крестьянских прав, которые он опубликовал для своих крепостных в 1764 г. В историографии они известны еще под именем «ашераденских законов».

«Крестьянское право» Шульца устанавливало право крестьян на движимое имущество. Крестьянин не мог быть продан, подарен, удален из того поместья, в котором живет. На свой земельный участок он получал наследственное право. Важным пунктом, регулирующим взаимоотношения помещика и крестьянина, было положение о несении крестьянином только тех податей, которые зафиксированы в вакенбухах. Шульцом признавалось также право крестьянина принести в суд жалобу на своего помещика в случае посягательств последнего на личность или собственность⁶. Реформы, введенные Шульцем в своем имении, представляли собой переход от неограниченного крепостного состояния (*Leibeigenschaft*) к ограниченной крепостной зависимости (*Hörigkeit*)⁷. Среди этих пунктов особенно близким императрице должен был быть пункт, касаю-

¹ *де Мадариага И.* Указ. соч. – С. 119.

² Броун – Екатерине II, 27 апреля 1765 г. // РГАДА. Ф. 16. Д. 862. Ч. 2. Л. 166.

³ Цит. по: *Рихтер А.* Указ. соч. – С. 170.

⁴ *Валуев П.* Письма об освобождении крестьян... – С. 86.

⁵ Екатерина встречалась с ним как с главой депутации еще при конфирмации привилегий лифляндского рыцарства в 1762–1763 гг. Шульц, являясь ландратом, представлял остзейское дворянство в Петербурге и последовательно проводил линию на защиту остзейских привилегий.

⁶ Эти законы фигурировали в материалах ландтага 1765 г. на латышском и немецком языке. На лат. языке: *Aiskrauknes un Rihmana-Muischas Semneeky Teesa, dohta no Karla Spriddika Scoultz tuhtstota septita simts seschdesmit zettorta Gadda pehz Kristus Peedsimchanas.* – 1764. – 15 lpp. // LVVA (Латвийский государственный исторический архив). F. 673. Apr. I. L. 1346. Lpp. 405–420; На нем. языке: *Ascheradensches und Römershofsches Bauerrecht, gegeben von Karl Friedrich Schoultz.* 1764 // Там же. – Lpp. 421–431.

⁷ *Зумис Я.* Указ. соч. – С. 339; *Вихксинсх Н.* Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland. – Riga, 1933. – S. 231.

щийся собственности крестьян. По мнению отечественных историков разных эпох, одним из оснований позиции Екатерины по отношению к крестьянскому вопросу был принцип свободы и собственности, стимулирующих земледелие. Право владения собственностью напрямую связывалось с процветанием крестьянского хозяйства¹.

Как отмечал Я.Я. Зутис, Шульц торопился составить свой проект, опасаясь, что иначе правительство навяжет рыцарству свой более радикальный вариант, составленный И.Г. Эйзенем и его единомышленниками². Трудно сказать, встречалась ли Екатерина с Шульцем во время путешествия и имела ли она с ним беседу. Они могли встретиться в Риге 11 июля 1764 г. во время ее встречи с ландратами (Шульц был ландратом) и со знатным рыцарством³. Так или иначе, последующие события свидетельствуют о личном вкладе Шульца в решение крестьянской проблемы.

Следует подчеркнуть, что в вопросе урегулирования положения крестьян в Лифляндии императрица сама проявляет инициативу. Согласно указу Екатерины II, в январе 1765 г. Броун приказал лифляндскому рыцарству собраться на ландтаг: его открытие назначалось на 25 января 1765 г. Работа данного собрания должна была проходить в Риге, в Риттерхаузе (доме рыцарства). Патент генерал-губернатора определял задачи, поставленные перед этим форумом. Предполагалось, что его деятельность будет направлена на устранение недостатков, имеющих место в Лифляндии⁴. Ландтаг работал с 26 января по 15 марта 1765 г. Протоколы ландтага сохранились и отложились во внешнем архиве Рижского городского Совета (Ф. 673) государственного исторического архива Латвии⁵. Копии данных протоколов наличествуют и в институте И.Г. Гердера в Марбурге⁶. Нами проводилась работа как с оригиналами, так и с копиями данных протоколов. Протоколы ландтага велись на немецком языке скорописью, которая довольно сложна для прочтения. Тексты изобилуют латинизмами и галлицизмами. Следует отметить, что материалы ландтага в полной мере не привлекались исследователями.

Центральным вопросом, который должно было рассмотреть лифляндское дворянство, являлся крестьянский вопрос. Позицию правительства относительно данной проблемы Броун озвучил в самом начале работы ландтага – 26 января 1765 г. В его речи были освещены основные положения, которые должен был обсудить ландтаг при рассмотрении вопроса об улучшении положения крестьян в Лифляндии. Я.К. Зутис относит данное выступление к решающему моменту деятельности ландтага: ко времени обсуждения дворянством предло-

¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. – СПб., 1888. – Т. 1. – С. 31; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М., 1999. – С. 352–354.

² Зутис Я. Указ. соч. – С. 339.

³ Журнал высочайшего путешествия... – С. 317.

⁴ Brown G. von. Auf Befehl Ihto Kajserl. Majestat Catharina Alexievna, Kaiserin und Selbstherrscherrin aller Reussen. [Patent ueber Einberufung des Lantages] // LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. – Lpp. 185–186.

⁵ Protokollum über dasjenige, was auf dem zu Riga 25 Januarii 1765 angefangenen und 15 Martii ejusdem... geendigten Landtage vorgegangen, welches einem Wohledl Rath zu unterlegen, geführet worden von dem Waysenheren und 2-ten Landtags-Deputierten Gotthard von Vegesack // LVVA. F. 673. Apr. 1. – L. 1346.

⁶ Livländische Lantagsrezesse im Jahr 1765 von dem 26 Januarii bis den 15 Martii [1765]. Bd. XII. 1765 // Archive J.G.Herder-Institute. Marburg. DCH1530 Livld. Ritterschaft 87 (12).

жений барона Шульца¹. Однако материалы протоколов ландтага свидетельствует, что это выступление состоялось именно в начале его работы – 26 января 1765 г. По сути, Броун выступил с «наказом» Екатерины, положениями которого дворяне должны были руководствоваться в решении проблемы².

В начале своей речи генерал-губернатор дал недвусмысленно понять, что инициатива созыва ландтага принадлежит Екатерине II: деятельность ландтага обусловлена «высочайшим поручением» российской императрицы. Выступая перед дворянством, Броун остановился на причинах, его вызвавших. Он акцентировал внимание на том, что основным импульсом для созыва форума явились поданные императрице во время ее путешествия жалобы крестьян на помещиков: «...государыня к крайнему своему неудовольствию убедилась в бытность свою в Эстляндии и Лифляндии, что они [жалобы] справедливы». Таким образом, несмотря на то, что прошения лифляндского крестьянства во время приезда Екатерины не сохранились, выступление Бруна свидетельствовало о том, что они были. Речь Бруна несла отпечаток большого раздражения императрицы. Об этом свидетельствует его риторика, причем сам генерал-губернатор отмечал, что он руководствуется исключительно «выражениями нашей великой монархини». Так, например, это усматривается в определении общей задачи ландтага: установить границы «тиранической жестокости и разнузданному деспотизму» дворян. Броун привел мнение императрицы, что «необузданный деспотизм наносит ущерб не только общему благу, но и верховному праву короны». Таким образом намекалось, что подобный деспотизм дискредитирует лицо самодержавия, монарха, являвшегося источником законодательной, исполнительной и судебной власти. Помещики же в своих злоупотреблениях выходят за рамки своей правовой компетенции³.

В выступлении Бруна передавалось желание Екатерины, чтобы дворяне использовали «свою собственность» [т. е. крестьян] в соответствии с правилами гуманности и религии. Здесь была определена и конечная цель ландтага: сообщение о «милостивом намерении» Екатерины освободить крестьян Лифляндии от крайностей притеснений помещиков. В силу этого генерал-губернатор представил ландтагу «препозиции», своего рода предложения, которые тот должен был принять⁴. Их насчитывалось 11, среди которых наиболее важными являются пункты, касающиеся улучшения правового положения крестьян. Это препозиции: 3 – нищета крестьянства, 7 – свобода продажи продуктов крестьянского хозяйства, 10 – хлебные (запасы) магазины для крестьян⁵. Главным положением в выступлении Бруна явилось рассмотрение третьей препозиции.

Броун он выявил три причины, определяющие бедственное положение крестьянства в Лифляндии: 1) во-первых, это вызвано тем, что крестьянин не име-

¹ Зутис Я.К. Указ. соч. – С. 345.

² [Протокол ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 2–3; Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. – Lpp. 147–148.

³ [Протокол ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 2–3; Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. Lpp. 147–148.

⁴ Данные препозиции отложились в протоколах ландтага 1765 г. и впервые были опубликованы Х. Яннай // *Jannau H. Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief- und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Berchreibung eine liefländischen Hakens.* 1786. – Riga, 1786. – С. 90–98.

⁵ Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. Lpp. 147–148.

ет собственности, 2) во-вторых, повинности крестьян ничем не определены и произвольно увеличиваются со дня на день, 3) в-третьих, за проступки и за невыполнение непомерно тяжелой барщины помещики налагают неслыханно тяжкие и жестокие наказания¹.

Далее генерал-губернатор более подробно остановился на характеристике своих положений. В своем выступлении он отмечал, что главная причина тяжелого положения крестьян заключается в отсутствии собственности на движимое имущество. Довольно обстоятельно генерал-губернатор охарактеризовал ситуацию с повинностями лифляндских крестьян. Его выступление высветило их многообразие и произвольность их несения. Дворянам косвенно ставилось в вину, что подобного рода повинности, чрезвычайно отягощающие крестьянина, ему не засчитываются. Исходя из всего вышесказанного, Броун призвал помещиков, чтобы те соизмеряли налагаемые на них повинности с размерами земли, которой они пользуются².

Поднимая проблему наказаний крестьян помещиками, Броун отметил частую незаконность их репрессивной практики. В своем выступлении он подчеркнул: «Эти [наказания] настолько чудовищны, что крики ... дошли и до императрицы». Выраженное генерал-губернатором мнение отражало отношение верховной власти к этому вопросу: «жестокие наказания, которые в Лифляндии неподобающе переходят все границы частного наказания, накладываются правосудием только в случае тяжелых преступлений». Тем самым он проводил мысль о неправомерности помещиков наказывать крестьян подобным образом³.

Броуном был поставлен вопрос об ограничении наказаний, которые должны были соответствовать степени проступков. В частности генерал-губернатор рекомендовал, чтобы небольшие проступки были лимитированы десятью парами розог. Броун рекомендовал более мягкие средства наказания, по крайней мере – содержание в теплой тюрьме. Подчеркивая необходимость принятия определенных решений, он опять апеллировал к личности императрицы: «...согласно намерению нашей всемилостивейшей великой матери Отечества участь несчастных существа должна быть улучшена»⁴.

В целом по крестьянскому вопросу Броун предложил: 1) признать крестьянскую движимость полной собственностью; 2) разрешить свободную продажу продуктов крестьянского хозяйства; 3) привести повинности крестьян к определенной норме; 4) ограничить судебную компетенцию помещиков, т. е. ограничить произвол помещиков в наказаниях; 5) признать право крестьян жаловаться на своих помещиков⁵. Броун просил дворянство тщательно рассмотреть его предложения и представить ему свои суждения, если оно сочтет их более соответствующими цели созыва ландтага⁶.

¹ *Jannau H.* Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.- und Estland ... – S. 93.

² *Ibid.* – S. 94–95.

³ *Ibid.* – S. 98.

⁴ *Ibid.* – S. 97–99.

⁵ *Ibid.* – S. 98.

⁶ [Протокол ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 g. // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 2–3; Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. Lpp. 147–148; *Jannau H.* Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern ... – С. 99.

Исследователи, задумываясь о том, кто помогал Броуну в составлении данного документа, высказывают разные мнения. Одни полагают, что это был барон Шульц¹, другие – рижский камерир Андреас Гоффман, который считался лучшим знатоком аграрного законодательства Швеции². По мнению Ю. Эккардта, лифляндское дворянство видело за требованиями Броуна в первую очередь влияние Гоффмана³.

Первое суждение нам представляется верным: сравнительный анализ содержания выступлений Броуна и Шульца практически тождественны. Так, на заседании 26 февраля 1765 г. барон Шульц выступил с речью, в которой обратился с предложением ввести «ашераденские» положения во всей Лифляндии. Шульц выдвинул три основания, позволяющие ему убеждать ландтаг улучшить положение крестьян.

1) По его мнению, крепостное право было установлено в варварские времена, когда о человечности (гуманности) не слыхивали, когда само слово это было неизвестно, когда разбой и грабеж слыли правомерным средством приобретения собственности и когда захват под свою власть личности другого человека не вызывал никакого протеста. Однако, как признавал Шульц, просвещение взяло верх, и во многих странах Европы крепостное право уже было отменено. Как объяснить то, что оно удержалось в Лифляндии? В то время как в метрополии воссиял свет просвещения и начались реформы, в колонии, отрезанной от родины, продолжали держаться варварские понятия средних веков⁴. Подобно представителям французского просвещения Шульц рассматривал средние века как варварские времена и полагал, что крепостное право не соответствует гуманному XVIII веку. Впрочем, Шульц в отличие от деятелей Просвещения не предлагал ликвидировать крепостное право, он ратовал лишь за его смягчение.

2) Шульц апеллирует не только к чувству человеколюбия, но и к материальным интересам самих помещиков. Он полагает, что именно экономическая заинтересованность должна заставить их улучшить положение крестьян: дать крестьянам право собственности и определить их повинности. Шульц пытается показать, что право собственности, данное крестьянам, приведет только к позитивным результатам. Логика барона Ашераденского была ясна: благополучие крестьянина приведет к увеличению благосостояния его господина⁵.

3) Третья причина, названная Шульцем, должна была окончательно повлиять на лифляндское дворянство. Барон Ашераденский, будучи свидетелем того, как императрица рассказывали о тирании лифляндского дворянства [в Петербурге], высказал опасение, что неограниченная власть над крестьянами может быть отнята у них правительством. Таким образом он дал понять рыцарству,

¹ Neuschäffer H. Carl Friedrich Frhr. Von Schoultz-Ascheraden. Ein Beitrag zum Forschungsproblem der Agrarreformen im Ostseeraum des 18. Jahrhunderts // J. of Baltic Studies. – 1981. – No 12. – S. 318–332.

² Лаур М.Я. Управление Прибалтийскими губерниями в период «просвещенного абсолютизма» (1762–1769): Дис. ... канд. ист. наук. – Тарту, 1987. – С. 89.

³ Sacke G. Livländische Politik Katharinas II. Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte. – Riga und Rosen, 1944. Heft 5. März. – S. 32.

⁴ Sentiment über die Verbesserung des Zustandes der livländischen Bauernschaft (1765) // Materialien zu Grundsätzen zur Verbesserung des Zustands der Bauern in der Rigaschen Statthalterschaft, mit Anschluss des Arensburgischen Kreises. Entworfen auf dem Landtage im September-Monat des J. 1796. – Riga, 1796. – S. 3.

⁵ Ibid. – S. 3–4.

что к реформе их понуждает «настоятельная необходимость»: в противном случае их ожидает более радикальная реформа со стороны российской государыне. Возможно, это случилось бы, – продолжал он, – если бы генерал-губернатор не предотвратил намерения верховной власти, представив императрице, что дворянство само ограничит свои права¹.

В деле убеждения ливляндских дворян Шульц выдвинул еще один аргумент: он вспомнил о напечатанном недавно в «Sammlung Russische Geschichte» письме одного патриота, в котором, по его мнению, автор не только представил крепостное право как самое ненавистное зло, но сильно преувеличил исходящие от него злоупотребления. Называя это письмо как «hors d'oeuvre»², барон дал понять, что «закуска» эта была дана ливляндским дворянам с тем, чтобы задуматься над положением их крестьян. Шульц отметил, что оно неслучайно попало в «Sammlung Russische Geschichte». По его мнению, это письмо следует рассматривать как последний глас предостережения верховной власти: «Желания Ея императорского величества положить пределы безграничному праву владельцев – совершенно для нас очевидны; если мы сами этого не сделаем и не выберем для разбора дел между нами и крестьянами особых судей, то, без всякого сомнения, нас ограничат такими пределами, к которым мы не приспособимся, и назначат таких судей, которых иначе мы имели бы основание устранить»³. Думается, что последняя причина и явилась импульсом как для создания проектов Шульца, так и его выступления на ландтаге. В этом смысле следует согласиться с мнением ряда исследователей, отмечавших, что Шульц выражал интересы ливляндского рыцарства, заинтересованного в сохранении своих привилегий⁴. Тем не менее, дворянство крайне негативно отнеслось к программе Шульца, точно так же, как и к препозициям Броуна.

Аргументация рыцарства отражена в протоколах ландтага, веденных представителем городского совета. Следует отметить, что речи выступающих полностью не фиксировались. Запись выступлений была представлена в обобщенном виде: как правило, давалась общая характеристика содержания речи. Причем не всегда отмечалось имя выступающего дворянина. Осуждающее воззвание гр. Броуна вызвало сожаление у рыцарства, отметивших, что этого порицания верховной власти оно не заслужило. Оно ясно и недвусмысленно высказалось, что их привилегии покоятся на существующем законе, который в настоящий момент хотят ревизовать от имени философов и представителей «естественного права». Рыцарство подчеркивало неограниченный характер права собственности, которое было основано в давние времена. Обвинения в плохом положении крестьянства также вызвали у него отторжение. По их мнению, в действительности крестьянам разрешалось свободно распоряжаться своим имуществом и только легкомысленным людям не позволялось растрачивать свой инвентарь⁵.

¹ Sentiment über die Verbesserung des Zustandes der livländischen Bauernschaft... – S. 3–4.

² Закуска – франц.

³ Sentiment über die Verbesserung des Zustandes der livländischen Bauernschaft... – S. 5.

⁴ Зутис Я. Указ. соч. – С. 339–340, 344.

⁵ Обсуждение крестьянской собственности 3 препозиции // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 113, 132, 140, 165, 175.

Все же рыцари признали, что в целом материальное положение крестьян неудовлетворительное и что многие из них попадают в «горькую бедность». Однако, выявляя причины этой бедности, рыцарство не ставило это себе в вину, а пыталось свалить ее на центральное правительство. По его мнению, большие подати российского правительства тяжелым бременем ложатся на край и тем самым способствуют обнищанию крестьян. При этом оно сослалось на военные действия российского государства в период Семилетней войны, которые нанесли серьезный ущерб хозяйствам Лифляндии¹. О том, что рыцарство болезненно отнеслось к предложениям свыше, говорит факт упоминания им на ландтаге шведских редуций: «Шведское крестьянское законодательство 1687/88 годов было существенной предпосылкой решениям о редуциях ливонских имений». Отмечая это, дворянство высказывало беспокойство, что царствование Екатерины может также стать временем новых редуций. Пункт о праве крестьян жаловаться на своих хозяев был ими оспорен: было заявлено, что в шведском законодательстве такого права нет².

Обсуждение третьей препозиции на ландтаге длилось в течение всей его работы – трех месяцев. Вначале рыцарство отклонило предложения Броуна, сославшись на подтверждение императрицей рыцарских привилегий. Они придерживались мнения, что крестьянство должно находиться в неизменном положении, а их права должны сохраняться³. Однако после бурных прений на заседании 10 марта 1765 г. выступил генерал-губернатор Броун, который ясно и недвусмысленно заявил, что инициатива обсуждения препозиций, в особенности третьей, принадлежит Екатерине II. Он подчеркнул, что императрица вначале устно «с большой энергией произнесла, а затем высочайше собственноручно повелела: она желает, чтобы деспотизм относительно крестьян был устранен, и ожидает «сентимента»⁴ генерал-губернатора». Он, генерал-губернатор, в свою очередь, указал на предстоящий ландтаг, который, без сомнения, будет готов «намерению Ея Величества конкурировать». Отметив, что «улучшение быта крестьян есть неперемнная воля государыни», Броун высказал основное положение, долженствующее насторожить дворян: правительство само возьмется за реформы, если дворянство не примет определенного решения⁵. Это явилось прямой угрозой существованию остзейских привилегий, что прекрасно понимали члены ландтага.

В результате компромисса был опубликован патент 12 апреля 1765 г. Важным достоинством этого документа являлось признание права крестьянина на его личную, движимую собственность, которое оговаривалось одним условием: крестьянин мог распоряжаться своим имуществом, если он исполнил все повинности по отношению к помещику. Данный закон упрочивал статус крестьянина в пункте несения повинностей. Объявлялось невозможным увеличение оброка, уплачиваемого крестьянином⁶. Третий пункт обязывал помещика ука-

¹ Обсуждение крестьянской собственности 3 препозиции // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 113, 132, 140, 165, 175.

² Am 4 Martii 1765 g. // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 132–135.

³ Am 10 Martii 1765 // LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 163.

⁴ Т. е. документа.

⁵ Am 10 Martii 1765 // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. Lpp. 165–166.

⁶ Publication // LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 755. Lpp. 136 об. – 137 об.

зывать размер барщины. В определении этой повинности он должен был учитывать состояние крестьянского двора. В патенте было зафиксировано принципиальное требование власти – предоставление права крестьянам жаловаться на своих помещиков в случае нарушения размеров барщины или оброка. Вначале крестьяне должны были сделать «вежливое представление» их господину. В случае игнорирования их жалобы они могли принести ее в орднунгс-герихт. Вместе с тем, в патенте оговаривалось, что подача несправедливой жалобы со стороны крестьян будет караться телесным наказанием¹.

Таким образом, в патенте нашли свое отражение все пункты третьей «позиции» Броуна. Эта публикация патента была предназначена для крестьян. Вместе с ней была разослана и другая – для владельцев имений. В ней устанавливался срок подачи владельцами деклараций в канцелярию рыцарства – 1 августа 1765 г., в которых они должны сообщить сведения о размере повинностей крестьян. В документе ставились пределы наказаниям крестьян: за легкие проступки можно было наказывать плетью; за большие провинности – розгами, не более 10 пар, при этом по три удара каждой парой. Крестьянина нельзя было держать в заключении более 24 часов. Если же требовалось более длительное расследование – в случае серьезного преступления, его необходимо было держать в теплом помещении².

Как отечественные, так и немецкие исследователи приходили к заключению, что эти постановления не были полностью реализованы на практике и не улучшили в целом положение лифляндского крестьянства³. Однако существуют и позитивные оценки данного ландтага⁴. Действительно, был важен сам акт принятия данного решения, имеющего большое политическое значение. Форум рыцарства вынужден был наделить определенными гражданскими правами крепостное лифляндское крестьянство. Политический смысл этих документов заключался в признании права крестьян обращаться в суд в случае нарушений установленных правил о барщине и оброке. По сути, ландтаг признал крестьянство объектом права (хотя бы и формально). С другой стороны, постановления должны ограничить «аппетиты» наследственных владельцев относительно несения крестьянских повинностей.

Данные постановления были непосредственным следствием посещения императрицей Остзейских губерний и имели силу вплоть до 1804 г. Британский исследователь Р. Бартлетт полагает, что конфронтация Екатерины с ландтагом 1765 г. имела под собой подоплеку не помещичье-крестьянских взаимоотношений, а касалась автономии балтийского дворянства, фискальных привилегий и земельных прав. Остзейское рыцарство не желало вмешательства имперской власти в вопросы землевладения, землеустройства. Защита же интересов кре-

¹ Publication // LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 755. – Lpp. 136–137 об.

² Ibid. – Lpp. 136–136 об.

³ Самарин Ю. Барон Шульц и доктор Меркель // Сельское благоустройство. – 1858. – № 5, 12; *Neuschäfer H.* Katharina II und die baltischen Provinzen... – S. 419.

⁴ Laur M. Der Aufgeklärte Absolutismus der Kaiserin Katherina II im Baltikum // Narva und die Ostseeregion / Hrsg. K. Brüggemann. – Narva, 2004. –S. 189.

стьян в Прибалтике явилась для коронованной особы средством ограничения привилегий сословий во имя интересов империи¹.

Вопрос о возможном урегулировании аграрного вопроса в Лифляндии, сопряженный с проблемой привилегий остзейских сословий, мог рассматриваться Екатериной и как одна из попыток решения крестьянской проблемы в империи. Об этом свидетельствуют материалы к «Наказу», в которых сохранился отрывок, написанный Екатериной относительно крестьянского вопроса в Лифляндии. В этом тексте, не вошедшем в Наказ, в пример российским помещикам были приведены итоги деятельности ландтага лифляндского рыцарства 1765 г.: право на недвижимую собственность, установление повинностей в соразмерности с возможностями крестьянского хозяйства, пределов наказания крестьян².

Среди практических мер, вызванных пребыванием императрицы в крае, явилось также рассмотрение жалоб рыцарства на ревизию 1757 г. Сенатом. Указом от 23 января 1769 г. Сенат объявлял о продолжении сбора податей с публичных и частных мыз по ревизии 1757 г. по представленным ею вакенбухам вплоть до будущей ревизии³.

Путешествие императрицы в Остзейский край имело большое значение в процессе формирования политики по отношению к областям, имеющим автономию. Отечественные исследователи разных поколений высказывали мнение, что именно после поездки в Прибалтику был окончательно решен вопрос об отмене института гетманата (ноябрь 1764 г.) и, следовательно, об украинской автономии⁴. Упразднение же остзейской автономии потребует больше времени. 1762–1764 годы станут для императрицы началом формирования ее политики по отношению к привилегиям остзейцев, подготовительной стадией будущего противостояния центра и остзейского края, которое начинает проявляться уже в 1765 г. в аграрном вопросе.

Одним из важных следствий пребывания Екатерины в остзейском крае явилось то, что она уверилась в необходимости предпринять срочные меры, ограничивающие лифляндских помещиков в объеме их прав над крестьянами и, направленные на улучшение положения крестьян в Лифляндии. Мы далеки от мысли, что именно путешествие явилось для императрицы единственным фактором, определившим решение реформировать аграрный вопрос в Лифляндии. Крестьянский вопрос в Лифляндии интересовал ее еще до вояжа в остзейский край. Однако поездка Екатерины явилась важным звеном в кристаллизации этого решения, вызвавшего созыв лифляндского ландтага, который принял впоследствии беспрецедентный документ о наделении крестьян определенными гражданскими правами. Следует думать, что крестьянский вопрос в остзейском крае рассматривался властью в контексте насущных имперских задач, как фис-

¹ *Bartlett R.* The question of serfdom: Catherine II, the Russian debate and view from the Baltic Periphery (J.G. Eisen and G.H. Merkel) // *Russian in the Age of Enlightenment: essays for Isabel de Madariaga* / Ed. by R. Bartlett and J. Hartley. – N. Y., 1990. – P. 153.

² См.: *Рукописные материалы для Наказа, хранящиеся в Императорской Академии наук // Наказ императрицы Екатерины II данной комиссии по сочинению проекта нового уложения* / Под ред. Н.Д. Чечулина. – М., 1907. – С. XXXIX.

³ О сборе в Лифляндии с публичных мыз и частных мыз податей по последней 1757 года ревизии, 23 января 1769 г. // *ПСЗ.* – Т. 18, № 13241. – С. 817–820.

⁴ *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. – Берлин, 1899. – Т. 2. – С. 294; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. – М., 1999. – С. 398.

кальных, сословных, так и интегративных. Фискальные интересы империи были тесно связаны с проблемой остзейских привилегий, что определило вмешательство центрального правительства во взаимоотношения остзейских помещиков и их крестьян. С другой стороны, власть задумывалась над крестьянским вопросом в целом по России, и в этом отношении результат деятельности лифляндского ландтага был важным началом в деле предстоящих преобразований.

Summary

G.V. Ibneeva. Catherine II and Livonian Landtag of 1765.

This article reveals a role of Catherine II in the organization of Livonian Landtag (1765). The author considers an activity of Livonian Landtag and an acceptance of Patent of 1765, analyzes a disposition of political forces around the peasant question at this forum. The protocols of Landtag are in the object of the analysis. The article are written on the ground of archival sources of the Russian state archive of ancient documents (RGADA) and state historical archive of Latvia (LVVA).

Поступила в редакцию
15.09.06

Ибнеева Гузель Вазыховна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета.